

Пушкинский феномен

Академик Николай Петраков разглядел в великом поэте талантливое политолога и глубокого государственника

В КАНУН 206-го дня рождения Александра Сергеевича Пушкина в издательстве «Экономика» выходит книга директора Института проблем рынка РАН, академика Николая Петракова. Она называется «Александр Пушкин: загадка ухода». Еще до выхода в свет книга вызвала споры в среде ученых-пушкинистов. Этому есть объяснение: академик Петраков сделал попытку взглянуть на многогранную деятельность великого поэта под необычным углом зрения: он провел любопытные исторические параллели с новейшей историей России.

— Николай Яковлевич, пушкинисты-филологи наверняка с ревностью отнесутся к вашей трактовке Пушкина как исторической фигуры. Все-таки, согласитесь, известные ученые-экономисты не часто посвящают свои исследования творчеству поэтов. Судя по всему, у вас для этого имелись веские причины?

— Дело в том, что Пушкин в трактовке наших пушкинистов мне был совершенно непонятен. Социально-политические воззрения «сумнейшего человека России», начиная со школьных учебников и заканчивая академическими научными трудами, освещали и интерпретировали в основном филологи. На мой взгляд, тема Пушкина как крупного мыслителя и политолога, обладавшего к тому же и поэтическим даром, практически выпала из серьезного рассмотрения. Говорю это не в упрек уважаемым мною коллегам-языковедам. Так уж объективно получилось, что мощный гений художественного творчества Пушкина отодвинул в тень его интереснейшие соображения о государственном устройстве страны, соотношении проблем национального самосознания и конвергенции российской и западноевропейских культур. Эти грани пушкинского гения незаслуженно обойдены вниманием исследователей. На самом деле именно в них заключается разгадка пушкинского феномена. Думаю, не будь Пушкина-государственника, и его литературные шедевры не пережили бы века.

— За этими размышлениями так и угадывается представитель точных наук, привыкший во всех событиях устанавливать причинно-следственную связь. Но позвольте: какой же Пушкин государственный и державник, когда он, выражаясь нынешним сленгом, призывал почти что «оранжевую революцию»: «Россия вспрянет ото сна, и на обломках самовластия напишут наши имена»?

— В том то и беда, что зачастую исключительно на основании цитирования тех или иных фрагментов

стихов или эпиграмм Пушкина относят то к либералам, то к монархистам, а иногда и к радикалам-революционерам. Если идти этим путем, политические и социальные взгляды Пушкина могут показаться сумбурными и эклектичными. Он и свободу воспевал, и тиранов проклинал, и подавление польского восстания горячо приветствовал, и горевал, что «геральдического льва демократическим копытом теперь лягает и осел». На самом деле отношения Пушкина с властью определялись не личными мотивами и конъюнктурными соображениями, а принципиальными воззрениями на политическое устройство в Российском государстве. Вспомните, например, что, когда личные отношения Пушкина с Николаем I были натянуты до предела, поэт поддержал царя по вопросу о принятии манифеста о Почетном гражданстве. По убеждению Александра Сергеевича, этот манифест был полезным законодательным документом, поскольку исправлял ошибку Петра Великого, который ввел в свое время консервативную Табель о рангах.

— Иными словами, вы делаете вывод о том, что Пушкин принадлежал к конструктивной оппозиции власти, то есть бичевал самодурство, но был готов подставить плечо прогрессивным инициативам самодержавия?

— Я сформулировал для себя четыре основных требования Пушкина к современной ему власти. Прежде всего, следуя Пушкину, власть обязана уважать своих подданных, а подданные должны поддерживать власть, сохраняя гражданское достоинство и не впадая в холопство. Наиболее емко поэт выразил эту позицию в дневниковой записи от 10 мая 1834 года: «...я могу быть подданным, даже рабом, но холопом и шутком не буду и у царя небесного». А одна из преддвузвучных записей поэта гласит: «Истина сильнее царя». То есть, властитель должен ценить подданных, горящих к нему правду, пусть даже не всегда лицеприятную, а подданные — обладать мужеством эту правду приукрашивать. Но в России дело всегда обстояло ровно наоборот. И в этом Пушкин видел едва ли не главную ее трагедию: *Беда стране, где раб и льстец Одни приближены к престолу, А небом избранный певец Молчит, потупя очи долу.*

— В переложении на нынешнюю российскую действительность это называется отсутствием развитого гражданского общества, о необходимости строительства которого, между прочим, говорится и в последнем Послании Президента РФ Федеральному Собранию...

— Но ведь и Пушкин в свое время не сваливал эту «беду страны» целиком на плечи властвующим, а справедливо делил ответственность за уродство политических нравов российского общества между властью и подданными. В знаменитом письме Чаадаеву Пушкин подчеркивает, что в стране «отсутствует общественное мнение и господствует равнодушие к долгу, справедливости, праву, истине, циничное презрение к мысли и достоинству человека». А дальше Пушкин саркастически отмечает, что «правительство есть единственный европеец в России, и сколько бы грубо и цинично оно ни было — от него зависело бы стать сто крат хуже. Никто не обратил бы на это ни малейшего внимания». Мог ли подумать Пушкин, что этот его элегантный

шедевр, эта отточенная литературная фраза через много лет в кулуарах «самого образованного» российского правительства будет переведена на «новый русский» сомнительным выражением «пипл все схавает!»

— А как вы расшифруете такую пушкинскую фразу из его «Романа в письмах»: «Дикость, подлость и невежество не уважает прошедшего, пресмыкаясь перед одним настоящим»?

— Эта формула Пушкина может быть прочтена и в обратной последовательности: неуважение к собственному прошлому есть не что иное, как дикость, подлость и невежество. За этим стоит второе требование Пушкина к власти, касающееся заботы о преемственности культурного развития, сохранения духовности и национальных традиций. Ведь когда граждан страны связывает лишь территория проживания или форма паспорта, когда они не ощущают исторического, духовного единения, сама власть становится иллюзорной

Следуя Пушкину, власть обязана уважать своих подданных, а подданные должны поддерживать власть, сохраняя гражданское достоинство и не впадая в холопство

и беспомощной. В современной Пушкину России единственным гарантом преемственности культурных традиций и социально-политической сбалансированности общественной жизни он видел потомственное дворянство.

«Что такое дворянство? — писал Пушкин. — Высшее потомственное сословие народа, награжденное большими преимуществами касательно собственности и частной свободы... Потомственность высшего дворянства есть гарантия его независимости...»

— Вы хотите сказать, что это звучно с нынешней проблемой консолидации элит и их места в развитии России как демократического государства?

— Во всяком случае, у Пушкина были высокие требования к качеству дворянских элит. Не зря Пушкин не мог простить Петру I и Екатерине II того, что родовых дворян они смешали с безродными, что дворянство стало возможно заслужить как чин. Но особенно возмущало Пушкина, что заслуги перед царствующими особами пенились выше, чем заслуги перед Отечеством. Вот что писал Пушкин про времена правления Екатерины II: «Возведенная на престол заговором нескольких мятежников, она обогатила их за счет народа и унизила беспокойное наше дворянство. Много было званых и много избранных в длинном списке ее любимцев, обреченных на презрение потомства».

— А как, по-вашему, Пушкин относился к возможности революционных преобразований в России? Любому школьнику известен факт аудиенции Пушкина у Николая I, во время которой поэт заявил, что лишь его отсутствие в Петербурге помешало ему выйти 14 декабря 1825 года на Сенатскую площадь вместе с декабристами. Разве не красноречивый пример?

— Есть свидетельства того, что беседа самодержца с Пушкиным продолжалась целых полтора часа. И, по видимому, царь услышал от поэта не

только это признание. Иначе бы Николай I не заявил потом, что разговаривал с умнейшим человеком России. Пушкин, хорошо знавший российскую и мировую историю, был противником революционного насилия. По убеждению Жуковского, «политические мнения Пушкина были совершенной противоположностью с системой буйных демагогов». Известно также, что Пушкин скептически оценивал Великую французскую революцию. Для него восславление свободы совсем не означало восславления революции. В неопубликованном письме Чаадаеву поэт писал: «Нынешний император первый воздвиг плотину (очень слабую еще) против наводнения демократией, худшей, чем в Америке». А во фрагментах десятой главы «Евгения Онегина» он дает такую характеристику участников заговора декабристов: «Все это было только скупка, безделье молодых умов, забавы взрослых шалунов». А в 1836 году в своем знаменитом «Памятнике» Пушкин призывает о милости к падшим, то есть не к невиновным, а к оступившимся, к грешникам, заслуживающим помилования. При этом Пушкин понимал, что только сильная, просвещенная власть способна на милосердие. В этом заключается третье требование Пушкина к власти, которое включало в себя и необходимость ее легитимного восприятия обществом. Иначе власть не может пользоваться уважением народа и вынуждена самоутверждаться методами, ее разлагающими.

— Разве Пушкин когда-то говорил о нелегитимности российской власти?

— Конечно. Он недвусмысленно говорил о том, что Александр I был устранен Романовыми. Почему-то этому факту никто из исследователей творчества поэта не придал особого значения. Вот что он писал: «...покорный государь окружен был убийцами его отца. Вот причина, почему при жизни его никогда не было бы суда над молодыми заговорщиками, погибшими 14 декабря. Он услышал бы слишком жестокие истины». То есть Пушкин прямо говорит, что заговору будущих декабристов был противопоставлен заговор дома Романовых. У нелегитимного Александра I связа-

ны руки: если заговорщиков арестовать, то суд цареубийцы над покушавшимися на цареубийство серьезно навредил бы имиджу российской власти. А если бы переворот осуществился, то в руках победителей были бы очень веские аргументы, основанные на изначальной нелегитимности свергнутого императора. И тогда Романовы задумали и осуществили грандиозную мистификацию ухода Александра I с политической сцены. Но для нас более важно, что Пушкин озвучил и объяснил отнюдь не случайную связь между уходом с престола Александра I и разгромом дворянско-офицерского заговора.

— Как бы вы охарактеризовали политическое кредо Александра Сергеевича Пушкина?

— Назову последнее из четырех требований Пушкина к власти — отстаивание стратегических государственных интересов. Юность поэта прошла в обстановке патриотической эйфории, царившей в стране после блистательной победы над Наполеоном. Однако в произведениях поэта не встретишь ноты примитивного кvasного патриотизма. Пушкин четко разграничивал национальные интересы и национальные амбиции. А в период подавления варшавского восстания, когда Пушкина за поддержку решительных действий власти осудили почти все фронтеры-либералы, поэт, по свидетельству Комаровского, с горечью говорил: «Разве вы не понимаете, что теперь время чуть ли не столь же грозное, как в 1812 году?» Активное политическое вмешательство Запада в «спор славян» было не чем иным, как открытым покушением на суверенитет России. Давление, оказываемое на Россию, возрождало систему двойных стандартов. Нежелание России идти на односторонний пересмотр своих границ, закрепленных международными договорами, превращало страну в уста западных дипломатов в «жандарма Европы» и «тюрьму народов». Позиция Пушкина выражалась, конечно, не в защите монархии, но в страстном протесте против унижения государства Российской империи. Остается лишь восхищаться политической прозорливостью Пушкина, наблюдая за нынешним использованием Западом старых трафаретов, но уже в отношении Чечни, Грузии, стран Балтии.

Беседовал
Дмитрий СЕВРЮКОВ.